

*Памяти моего брата Джеймса.
И моей маме*

*“Я прожил достаточно, чтобы
понять, что мое время пришло”.*

Четверг

Глава 1

Водитель Убера удрученно посмотрел на меня в зеркало заднего вида. За последние десять минут мы практически не сдвинулись с места. Он кивнул на свой навигатор: сплошная красная линия протянулась на добрые две мили. Машины вдоль набережной стоят в глухой пробке. Такими темпами мы от Ричмонда будем пробираться через Сент-Марнем до моего дома в лондонском районе Хадли больше часа.

Я смотрю в окно на поздний октябрьский вечер. Уже стемнело.

— Наверное, быстрее будет, если я здесь выйду, — говорю я. — Пройдусь дальше пешком.

Водитель поднимает руки и пожимает плечами.

— Надеюсь, вам подвернется кто-нибудь в обратную сторону, — слабо извиняюсь я, открывая пассажирскую дверцу.

— Видно будет, — устало отвечает водитель.

Я вылезая наружу и наблюдаю, как он разворачивается и уезжает назад, подальше от типичной для западного Лондона пробки.

На улице холодно, и от моего теплого дыхания в воздухе образуется пар. Я застегиваю куртку и прячу руки поглубже в карманы. Шагаю к набережной, чувствуя под ногами хруст опавшей листвы. Дорога ведет в Сент-Марнем, но на севере деревни я срежу путь к Хадли через футбольное поле.

Завибрировал мобильник. Откидываю крышку, озаряя светом экрана темную тропинку. Сообщение от Мадлен Уилсон — моей начальницы из новостного онлайн-агентства, самого известного в стране. Последние шесть часов мы провели у нее в доме с видом на Ричмонд-парк, дорабатывая сценарий для подкаста по криминалистике, который я буду записывать через неделю. И вот Мадлен уже шлет мне очередные предложения для сценария. В этом она вся — неутомима, всегда полна свежими идеями. Журналистика у нее в крови: ее отец Сэм — газетчик старой школы. Она сама никогда это не признает, но я хорошо знаю, что ее профессиональная одержимость, стремление первой раскопать лучший материал, достались ей именно от отца. А от нее, видимо, перешли и мне.

В последние недели перед записью Мадлен поддерживала меня всеми силами. Полгода тому назад при поддержке местного офицера полиции — констебля Дэни Каш — я раскрыл правду о смерти моей матери и о жестоком убийстве Ника. Страшная гибель моего 14-летнего брата уже четверть века тревожила умы моих соотечественников. Как раз историю Ника я и собирался рассказать в этом подкасте.

Мне было восемь, когда его убили, и эта потеря останется со мной навсегда. На протяжении многих лет я просто не мог осмыслить произошедшее. Чудовищный характер этого убийства сделал мое имя —

Бен Харпер — известным не только в нашей стране, и большую часть своей жизни я прожил в тени смерти Ника и скорби нашей семьи. После кончины матери, которая, как считалось, покончила с собой, я понял, что выход у меня один — идти дальше, вперед, не оглядываясь на прошлое. Но в этом году, когда история моей семьи обросла новыми подробностями, все изменилось. Узнав наконец правду, я решил, что хочу рассказать ее и другим. Я опубликовал эту историю на нашем новостном сайте, и она привлекла внимание людей по всему миру, собрав, к вящей радости Мадлен, рекордное количество просмотров. Я боюсь, что подкаст вызовет новую волну интереса к истории моей семьи, но мое стремление рассказать людям правду все же сильнее. Ник был моим героем, и этот подкаст — единственное, что я могу противопоставить несправедливости, отнявшей его у меня. Я все еще скучаю по нему. И по маме. Каждый день.

Сент-Марнем ярко освещен фонарями, но на краю футбольного поля на окраине деревни я снова оказываюсь в темноте. Пробираюсь по тропинке; от земли холодно ногам. Замечаю впереди мелькающие огоньки и через пару секунд отступаю, давая дорогу двум велосипедистам, которые спешат домой после долгой рабочей недели. Рядом тянется подсвеченная снизу беговая дорожка; по ней, борясь с пронизывающим ветром, несется одинокая бегунья, упорно приближаясь к финишной прямой. Из-за кирпичных стен нового спортивного павильона доносятся пугающе бодрые звуки — там проходят занятия по фитнесу.

Чтобы срезать милю на пути к Хадли, сворачиваю к небольшой рощице за кромкой футбольного поля. Оттуда спускаюсь к реке, иду в сторону кладби-

ща за церковь Святого Стефана и вскоре упираюсь в железную ограду, через которую я, как и многие жители Хадли и Сент-Марнема, за последние тридцать лет перелезал, наверное, тысячу раз, чтобы быстрее добраться до Нижней улицы. Перекидываю сумку через плечо и хватаюсь за невысокое ограждение. Холодный металл покрыт инеем, и я как наяву слышу мамин голос; она спрашивает, почему я не потрагился на пару перчаток. Подтягиваюсь и забираюсь на ограду, но руки скользят, и меня тянет назад; пытаюсь удержать равновесие, хватаюсь за острое навершие и падаю вперед, прямо на заброшенное кладбище.

Сжимаюсь в ожидании удара о землю, но не падаю, а повисаю в воздухе. Ремень сумки зацепился за верх ограды. Чертыхаясь, вытягиваю вверх руки в попытке отцепиться, но ничего не выходит. Единственный выход — порвать ремень, понимаю я и делаю рывок вперед. Ремень рвется, и я падаю на землю. Подвернутую лодыжку пронзает боль, и я с криком скатываюсь по покатуму склону в нижний темный угол кладбища.

Некоторое время я просто лежу на сырой земле, стараясь прийти в себя. Куртка вся в грязи; в лодыжке пульсирует боль. Замечаю, что из сумки вывалился ноутбук. Осторожно встаю на правое колено и поднимаюсь, пробуя перенести вес на левую ногу. Втягиваю сквозь зубы холодный воздух и задерживаю дыхание. Опираясь на замшелое надгробие, дотягиваюсь до сумки и убираю в нее ноутбук. Внезапно мое внимание привлекает яркий оранжевый свет, озаряющий кроны деревьев на дальней стороне кладбища.

Кое-как встаю на ноги и, цепляясь за надгробия, выхожу, хромая, на тропинку, пересекающую кладбище. С каждым шагом свет становится все ярче. Вот

церковь Святого Стефана XVI века, но ее освещает лишь фонарь над тяжелой дубовой дверью. Забыв о боли в лодыжке, обхожу церковь сбоку и снова вижу оранжевый свет, теперь уже слепяще яркий. Заброшенный местный клуб за церковью охвачен огнем.

Из-под грязной красной черепицы валят клубы дыма. Увитые плющом стены лижут языки пламени. Бросаю сумку на землю и лихорадочно шарю в кармане в поисках мобильного. В этот момент одно из окон клуба лопается, осыпая дорогу битым стеклом и снопом искр. Весь церковный двор освещен пламенем; жар настолько сильный, что мне даже на таком расстоянии приходится отступить на шаг назад. Нахожу наконец телефон и собираюсь позвонить и позвать на помощь, но тут вдруг замечаю внутри горящего здания какое-то движение.

Я вздрагиваю.

Вглядываюсь пристальнее и снова замечаю сквозь дым движение — на фоне ярко-оранжевого огня мелькнуло что-то черное.

И тут я вижу в разбитом окне силуэт человека.

По всему моему телу мгновенно разносится адреналин, и я без раздумий бросаюсь к исписанной граффити двери клуба. Она закрыта. Я кричу этому несчастному внутри, чтобы искал выход. Тот мешкает, а затем бросается назад и исчезает среди языков пламени.

Я пытаюсь выбить дверь плечом, но та не поддается. Отступаю дальше и с разбега бью по ней ногой.

Замок не выдерживает, и я вваливаюсь прямо в пекло.

Дым такой густой, что я едва могу различить скорчившуюся на полу фигуру. Судя по тому, как ли-

хорадочно руки человека шарят по полу, он что-то ищет.

— Ты что? — кричу я, прикрывая рот в тщетных попытках не наглотаться дыма. — Беги отсюда, скорее!

Но незнакомец — на голове у него капюшон — продолжает ползать по полу, словно не видит открытого мной пути к спасению.

— Брось, сгоришь! — кричу я.

Незнакомец вскакивает на ноги и поворачивается ко мне. На мгновение застывает в нерешительности, а затем бросается вперед и выбегает из здания. Вокруг меня пляшут языки пламени, жар невыносим. Я кое-как поднимаюсь на ноги и выбираюсь наружу.

Падаю на дорогу, жадно глотая холодный воздух. Вглядываюсь в темноту и ищу глазами Нижнюю улицу. Удаляющийся прочь от пожара человек не замедляет бега. Выскакивает на дорогу — одна из машин резко тормозит, и ночную тишь пронзает резкий гудок. Незнакомец отталкивается руками от капота, и фары машины на миг освещают его угловатую фигуру. Все еще пытаюсь насытить легкие вечерним воздухом, я лежу и наблюдаю, как его приметные ярко-оранжевые спортивные штаны исчезают в темной роще, начинающейся за Хадли-Коммон.

Глава 2

Зайдя в отдел уголовного розыска, располагавшийся в задней части полицейского отделения Хадли, констебль Дэни Каш почувствовала, как у нее перехватывает дух. Она взглянула на висящие на стене часы. Без десяти восемь — она пришла за несколько минут до встречи со старшим инспектором Бриджет Фримен. С тех пор как днем ей сообщили, что ее вызывает старший инспектор, время едва ползло. Встреча была назначена на семь часов, но ближе к делу Бриджет Фримен пришлось ее перенести.

По четвергам отдел в это время суток обыкновенно пустовал — уже к шести паб в начале улицы стабильно выманивал из офиса большую часть детективов. Сегодня здесь остались только двое. Оба ужинали — в душном помещении витали ароматы острых мексиканских тако. Полицейские мельком взглянули на Дэни, и один передал другому телефон и рассмеялся. Что-то в выражении его лица подсказало Дэни, что ей его шутка не понравилась бы.